

*Елена РЫЖИХ,
художник*

О ЖИВОТКОВЕ

Художники, открывающие новые направления, занимают в истории искусств особое положение, они на особом счету и их ряд немногочислен. В ряду таких художников-первопроходцев еще с конца 80-х гг. утвердилось имя совсем тогда молодого живописца Александра Животкова. Безоговорочная первичность индивидуального почерка была присуща ему изначально, его не с кем сравнить ни из предшественников, ни из современников. Избежав традиционных для юного возраста усредненных этапов становления, А.Животков уже тогда обладал всеми атрибутами зрелого мастерства, персонального стиля и точки зрения, феноменальным уровнем культуры живописи. Уже первые работы Саши Животкова, появившиеся на выставках, неоспоримо представляли чистейшие образцы принципиально нового, сформированного живописно-пластического мироощущения.

Мощное древо личности А.Животкова имеет глубокие корни, будто заряженные внутренней энергией пламенной магмы. Он словно произрастает из самых недр мировых культурных пластов, при этом не будучи зависимым от влияния ни одного из них. В живописи Животкова не присутствует связь с каким-либо существующим конкретным источником, при этом в целом художник органично внедрён в глобальную вневременную систему культурных ценностей.

Ни один этап творчества А.Животкова не уступает другому, так как качественный уровень был взят изначально. Изменения, происходящие внутри его образной системы, не являются стратегией – они сродни изменениям внешности человека, его живопись остается узнаваемой, и через все этапы, как через поколения, прослеживаются характерные, устойчивые родовые черты.

В ранний романтический период на его холстах оживал загадочный и чувственный театр образов, навеянных будоража-

щим воображение романом «Рукопись, найденная в Сарагосе»; этот мир населяли трепетные марокканки в бисерных ожерельях, темпераментные испанки с гитарами, воинственные всадники и таинственные кочевники, искавшие свой путь по звездам. Насыщенный колорит с интенсивными аккордами, звучные шоколадные, изумрудные терракотовые с острыми, нервными лимонными прострелами и структурирующими сюжет мастерскими местами лезвием по свежему красочному слою, ставшие визитной карточкой автора, — это было поразительно страстно, неожиданно и долгожданно. Это был торжествующий гимн прекрасному с восклицательным знаком. Но даже речи быть не могло о какой-либо красавости — такое понятие в корне чуждо эстетике Александра Животкова. Строгий аристократизм в совокупности с энергией вольнодумства, невозмутимое благородство и убедительная достоверность с дерзкой непринужденностью традиционной пластики — такое сочетание качеств стало настоящим открытием. Так родилось имя, которое ни в каком контексте невозможно спутать ни с кем другим. Не изменяя своей образной системе, в согласии с уже определившимся личным пластическим подходом, единым и не зависящим от жанра, Саша Животков не делает исключения и для такой специфической, связанной с многовековыми традициями и канонами темы, как трактовка ключевых сюжетов Евангелия. Все его живописные иконы сильно и благородно выстроены, лишены пафосной религиозной экзальтированности, наполнены энергией глубокой любви и боли, и представляют результаты подлинной духовной работы.

Так же независимо художник относится и к теме портрета, проходящей пунктиром через все его творчество, начавшись в 1990 году большой серией очень разных по колориту и состоянию образа портретов невесты. Когда Животкову заказывают портреты, то ни в коем случае не ожидают получить нечто в манере Ренуара или Веласкеса, в них ищут даже не столько самих себя — от Животкова всегда ждут Животкова, зная, что это гарантировано. И безусловно — одухотворенное величие созданных образов. Хотя его портреты кажутся на первый взгляд почти абстрактными, фигуры условно встроены в пластическую структуру холста, но их пропорции комплиментарны, ли-

нии грациозны, колорит изысканно гармоничен, и все в целом производит впечатление ошеломляющей аристократической красоты. Затаенность, неразгаданность, непроявляемость черт придают женским образам еще больше чарующей женственности, глубины и внутреннего содержания, а также силу духа, волю, удерживающую скрытый темперамент. «Тайна сия велика есть», как и непостижимая животковская рукотворная магия. Он был совершенно иным даже в контексте молодежных и авангардных выставок. Александр Животков никогда не вписывал себя ни в какой «main stream». Он всегда был и остается свободным не только от царившей прежде идеологической свободы, но также и от тенденций новой свободы — от этой своеобразной «обязаловки» быть «безбашенным», подрывать, не глядя, все ценностные основы и в результате «освобождения» не оставлять камня на камне от каких бы то ни было критериев качества. Отстраненно от дешевого популизма, распространившегося беспозвоночного, мелкотравчатого бурьяна «актуальных» однодневок, и не примыкая ни к одному из уже ставших традиционными, но стабильно уважаемых направлений некогда авангардных «-измов» Саша Животков не торопясь без суеты пишет то, что было, есть и будет одновременно, испокон веков и во веки веков, но пишет так, как никто до него не писал и как никто другой не способен это делать. Он волен быть собой, и эта свобода не «от», а «для» — свобода сохранять собственные ценности, критерии качества, реальности, сути, и бесконечно ежедневно повышать планку. Именно эта безусловная стержневая крепость является основной и гарантией его личной свободы.

Александр Животков — эталонный образец отношения к своей работе, но в остальном подражать ему дело обреченное, хотя и заманчивое. На многих художников он повлиял своей образной системой, но его почерк неповторим и невоспроизводим для этого нужно обладать всем комплексом качеств, присущих его индивидуальности, сочетанием персонального мировоззрения и неукротимого темперамента, — именно его противоречивый личностный калейдоскоп становится питательным коктейлем — зельем для магических творческих ритуалов загадочного художника-алхимика с гремучей смесью кровей в жилах, по имени Александр Животков. Он — могучий человечище, титан,

и мальчишка – подросток, пристарственный к опасным играм. Он – превосходный друг и одинокий странник на своем святом и грешном пути. Он – человек дороги. Эта дорога не делает резких поворотов, все ее этапы различной степени сложности и тернистости пролегают в одном направлении к единственной цели – лишь ему доступной вершине, открывающей безграничный простор и одну заветную точку на горизонте, которую он, видимо, ни на миг не упускает из поля внутреннего зрения.

И неслучайно уже много лет его главной темой остается Дорога. А где дорога, там пространство, земля, небо, воздух, дух... Ужели мало? Животков знает цену этому небу и этой земле, он их чувствует. Как и свой безоглядный Путь.

Его пейзажи – это то, что не изменилось от Адама, от скифов, от всех и для всех. В них нет признаков времени и места, они имеют общую сущность, ценную для всей земной непрерывности. Реализм Животкова – не сиюминутный, не ситуативный, он не зависит от освещения, ракурса, рефлексов, от мелькания деталей, реализм сущностный, подлинный сплав материальной осязаемости с непреходящей духовной сутью образа. Это – реализм главного, реализм вечности. Поэтому, работы Животкова не привязанные к суеде злободневности и сегодняшней «актуальности», никогда не устареют, – они будут жить вместе с породнившей их истинной, не имеющей пределов, реальностью. А эволюция художника продолжается, и в этом процессе предсказуемо только одно – Александр Животков никогда не изменит самому себе.

Конечно, работы Животкова нужно видеть воочию столь изошренна – сложность исполнения непередаваемая не только словами, но и средствами полиграфии. Но его уникальная, крайне трудоемкая, требующая огромных вложений технология «от кутюр» – это, поистине, роскошь для самого художника. На каждую работу уходит до нескольких месяцев, – и это объективная необходимость для такого бескомпромиссного процесса. Никакие материальные соблазны не заставят Животкова на йоту снизить планку качества ради количества – что исключено, то исключено. По этим уважительным причинам, даже при максимальной трудоспособности автора, возможность удовлетворения спроса на его работы весьма ограничена, застоя работ в

его мастерской не наблюдается. Здесь только несколько новых работ, остальные ушли в частные и музейные собрания многих стран мира. Александр Животков – неутомимый и беспощадный к себе труженик. Он принципиально не занимается саморекламой, и без этого отлично обходится, являясь одним из самых известных отечественных художников. Кроме редкой креативной одаренности, видимо, именно это его ежедневное, непрерывное приношение себя всего реализации данного дара, объясняет тот удивительный факт, что уже многие годы ему удается умножать свой личный арсенал технологических новшеств, и, оставаясь цельным и узнаваемым даже по малейшему фрагменту любой работы, трансформироваться внутри облюбованной им сдержанной палитры с неисчислимой нюансировкой, и лаконичных строгих структур, извлекать все новые и неожиданные ресурсы и избегать в работе даже собственных штампов и клише, продолжая варьировать разработку только ему одному открывшегося бесценного неисчерпаемого источника.

В течение нескольких лет в мастерской А.Животкова царит медитативная гармония интравертного, внешне очень сдержанного, но пленительного проникновенной потаенной глубиной пейзажа.

За кажущейся статичностью и эластичным минимализмом лаконичных, колористически сближенных в мягкой природной тональности, условно-обобщенных пейзажных структур, – та же максимальная отдача внутреннего содержания, многослойное многонедельное колдование-варево настоящего зелья, пьянящего будто незаметно, но неизбежно. Вообще, живопись А.Животкова имеет особое свойство – восприниматься каждый раз по-новому, она словно живет своей жизнью.

После 1998 года в специфику почерка Александра Животкова был привнесен особый, поразительно неожиданный компонент, новый визуальный эффект, впервые примененный им в истории живописи. Это стало настоящим откровением, ради которого стоило пожертвовать привычными декоративными элементами, такими, как яркий подтекст, объемные швы структурных стыков, фактурная объемность. Все разработки ведутся теперь в бесчисленных градациях нюансирования одного цвета, а поверхность, приобретая еще больше слоев, становится гладкой, иног-

да даже отшлифованной. Характерные «животковские» росчерки лезвием по красочному слою, бывшие прежде только деталями, линиями, проясняющими сюжет и обнажающими сквозящие просветы яркого нижнего слоя, тонким декором в строгой палитре, теперь стали заполнять собой уже все поле холста и приобрели значение структуризации поверхности. Свою, месяцами ткущуюся, уникальную живописную ткань Саша создает, нанося один за другим разнообразнейшие по тональности и оттенкам, тонкие, словно шифоновые, полупрозрачные слои, прошивая их этими линиями жизни, кровеносными сосудами, наполняющими организм живописи энергией, светом, сердцебиением. Именно в них, как в спиралах ДНК, содержится информация о сюжете работы, обо всем масштабе и характере охваченного пространства. Отныне своеобразие творчества А.Животкова приобрело единственное в своем роде сочетание живописи с чем-то вроде геной инженерии и работы получают некий свой генетический код.

Виртуозно овладев своим открытием, бесконечно нюансируя направление, глубину, толщину, густоту и тональность своих «штрихов», художник достиг поистине головокружительного разнообразия, сложности и убедительности создаваемых на холстах пространств. Взгляд погружается на километры, находит дороги, уводящие за горизонт (неопределимый, но неопровержимо достоверный). В непредсказуемом хитросплетении линий идут дожди, свистит ветер, сверкают молнии, метет снег, колышутся травы, волнение тревожит водяную гладь, — вся живая, дышащая реальность возникает из, казалось бы, хаотического набора элементов, броуновских движений, в действительности оказывающихся поразительно точными и чуть ли не продуманными. Не напоминает ли это реальность процесса творения из первой главы Ветхого завета в переводе на язык живописи?

Кульминацией этого явления стала серия работ «белых диптихов», — в них А.Животков достигает предельной высокочастотной ультразвуковой чистоты и отрешенности от сюжетной традиционности. Пронизанные тончайшей светоносной паутиной, уже словно не материальная субстанция, а кристаллизованный дух, это проекции иного мира, состоящего лишь из тонких вибраций света. Двенадцать вертикально сдвоенных квадратов, где верхний — небо, а нижний — земля, двенадцать состояний бело-

го — на первый взгляд они абстрактны, но выстроенные в ряд, эти многослойные симфонии обретают неповторимое звучание. И уже явственно проступают сначала градации тепло-холодных оттенков и тональной плотности (земля), и эфирной разреженности (небо), затем и степени немыслимой сложности кристаллизации поверхности, и направления натягивания струн (нить — вертикально, земля — горизонтально), а потом — и влажная взвесь тумана над распаренной добела землей, и шелест струй дождя, и растворенный хрусталь озона, и ясное свечение утренней невесомости.

И все же — все же это нечто большее, неизмеримо большее. К этим работам неприменимы слова. Перед ними можно замереть в оцепенении, как на заоблачной высоте, забыв обо всем, онеметь. И когда все слова уходят, небеса посылают одно-единственное слово — молитвы. Это именно молитвы, возникшие одновременно с мирозданием, в обращении к невидимому, но безусловному источнику всей его реальности. И в этих белых холстах присутствует та же природа невидимой реальности — реальности Духа, бесконечности, молитвы. И тут вспоминаются слова «И стал свет...». Как все дороги ведут к храму, так и все слова в конце концов приводят к молитве. И в языке живописи по мере его совершенствования и очищения возникают невербальные молитвы.

Все шесть диптихов были выставлены в Австрии, в Венском королевском музее; один оставлен этим музеем в своем собрании современного искусства, а пять диптихов еще остаются в мастерской автора. До сей поры не появился столь тонкий ценитель, способный превзойти традиционный уровень восприятия, востребовать особого духовного озона и обрести возможность обладания целым Белым светом.

Белый цикл завершил относительно спокойный период внутренней созерцательности, неторопливого освоения видимого и невидимого пространства, одухотворения и освобождения материи. Что дальше? Сама судьба ответила на этот вопрос. В самом начале 2000 года огромное горе пробило сквозную брешь в душе Саши. Чтобы преодолеть тяжелейшую депрессию, потребовалось собрать в кулак всю силу воли, и эта мощная концентрация ресурсов личности спровоцировала совершенно небывалый, сумасшедший виток в его творчестве. Это был

невиданный, безымянный полет, словно мятежная душа судорожно искала выход из рамок земной реальности. Ни к чему уже невозможно было привязаться, – только безудержное движение, распаханность, безграничность... Это был прорыв в такие работы, от которых мурашки бегут по коже и перехватывает дыхание. Он будто искрит электрическими разрядами. Образовался сплав чрезвычайной экстремальной красоты и острой боли. Изысканность выработки почти однотонной поверхности сменяют разные контрасты – пересекающиеся «породы», выразительные «кричащие» линии, как натянутые до предела нервы – тут живая душа бьется в неразрывных сетях.

А потом, в моменты просветленного вдохновения рождались щемяще-нежные, проникновенные образы, созданные словно на одном дыхании, – такие, как сотканный из полупрозрачных лучей света пейзаж с дорогой, уходящий за горизонт, сведенный к одной манящей точке. Структура мотива напоминает раскрытые крылья бабочки, а легкость, непринужденность разлетных жестов передает волшебное ощущение парения в невесомости. Истинное наслаждение видеть, воспринимать созидательную энергию творца, проявленную через чуткую антенну избранного им художника.

Александра Животкова часто причисляют к абстракционистам. Бесспорно, что его работы технологически представляют собой виртуозно сплетенную из бесчисленных красочных слов, переплетающихся, сквозящих, конкретных и сближенных, дышащую сквозь разнообразнейших этапы вызревания, пронизанную сетью «капилляров», подвижную, словно живую, драгоценную живописную ткань. И именно в абстрактной живописи эта уникальная ткань вполне достойна быть самодостаточной целью и смыслом работы, но для убежденного реалиста Животкова, начисто лишенного самолюбования, – это лишь средство для создания глубокого, неотразимого образа. И поэтому, роскошной поверхностью, на завораживающей красоте которой многие останавливают свой взгляд, открывается и втягивает внутрь невероятная центростремительная воронка в безграничное пространство, где существует своя, другая форма жизни.

И уже забываешь, на каком ты свете, и возникает мысль о каких-то нерасшифрованных радиоволнах, и о том, что Саша

Животков подсознательно открыл свое энергоинформационное направление в искусстве.

Но сам художник менее всего думает об этом, а вернее, не думает об этом вовсе. Ему вовсе не свойственна привычка разглагольствовать о своей работе, о пресловутых «творческих планах», это отсутствует напрочь. Саша рассказывает забавные истории, зачастую что-нибудь досочиняя на ходу, артистично сгущая краски, делится своими маленькими радостями — их многочисленность и важность для него чрезвычайно роднит его с Параджановым, с которым Саша имеет даже внешнее сходство. И эта часть его жизни открыта для всех. Но только своим холстам он поверяет свои сокровенные переживания и глубинные драмы, и холсты становятся страницами его дневника, не буквального, а символичного. Эта символичность — суть его творчества. И порой его работы напоминают опаленные, почти догоревшие страницы. Они посвящены особым для Саши Животкова местам, отмеченным, как глубокие точки на линии судьбы. Таковы серии «Протасов Яр» и «Река Лыбидь» 2003 — 2004 гг. Протасов Яр — ближайшая к Сашиной мастерской железнодорожная станция, — тема рельсов, тема встреч и разлук, любви и боли, тема одиночества и отчаяния, но и свободы выбора пути. И открытый вопрос — востребована ли эта свобода? Или то, что нам неведомо, предназначено заведомо? Но пока есть дорога, железная или другая, есть выход из любой безысходности, что художник Животков подтверждает каждым своим шагом, каждой новой работой. И даже в самых черных из них есть свет, есть просвет, позволяющий из почти замкнутого круга выйти на бесконечную спираль. Протасов Яр для Саши — место постоянного возвращения, куда его ноги сами ведут, а по пути он пересекает узкое русло реки Лыбидь, которую он одному ему ведомым образом романтизировал до крайнего предела. Никто другой не способен так увидеть этот скудный канал, как его узрел и осмыслил Саша Животков. Увиденная его глазами, густая, черная как нефть, река Лыбедь словно переполнена всей печалью мира. Ее тягучее русло вбирает и уносит горечь потерь и тяжкие думы. Плотные монолиты берегов беспощадно изрезаны шрамами отчаяния и внутренней борьбы, и эти линии боли стремительно подгоняют, ускоряют движение темной воды прочь ради

избавления и забвения. Каждая работа этой серии кажется, и не только кажется, неподъемной, как многотонная глыба, будто это не изображение на холсте, а сами природные пласты крутых берегов и толщи воды залегли во всей своей весомости. Неистовый темперамент движений с убедительной точностью жеста мастера сильно и метко бьют в цель, а результат – потрясение, переворот, тектонический сдвиг в сознании. Живопись Животкова неразрывно переплетена с невербальной философией, окрашенной личностным мироощущением, она не в сюжете, а в самой плоти его холстов и в его самоотверженном отношении к работе. Он избегает этичности непролонгированных впечатлений, почти все его работы выношены и выстраданы, порой даже физически. Серия «Лыбидь», кроме тональной, эмоциональной и материальной тяжести, являет собой пример титанического физического труда. Знаменитый символический почерк – изрезание плотного красочного слоя резкими размашистыми движениями, тысячекратно повторяемыми на большой площади холста, – техника не для слабых духом и телом, достигшая здесь своего апогея. Эти работы обошлись мастеру особенно дорого, – уже несколько месяцев он лечит перетруженный локоть. Так что этот, единственный в истории, случай, – возникший здесь вид живописи, граничащий со спортом, сопрягаемый с риском травматизма для художника и столь обостренный эмоционально, – можно точнее всего назвать еще не звучавшим в искусствоведении термином «экстремализм». Даст Бог, на этот раз могучая рука Саши Животкова восстановит силу, требуемую для создания подобных глобальных шедевров, но постоянно так доблестно надрываться недопустимо даже для него.

И освобождение, облегчение пришло. Река Лыбедь унесла в реку Лету душевную смуту. И вот уже сплошной покров ослепительно белого снега раскинулся торжественно едва не на целый холст, лишь вдалеке узкая полоска все той же реки Лыбедь, но уже удаленной и почти вытесненной из сознания. Здесь главенствует обновляющая нетронутая белизна снежного пространства, и здесь все та же изысканнейшая нюансировка переплетающихся, вибрирующих объектов белого, и та же неподражаемая кристаллизация поверхности, на этот раз заледеневшей структурированной воды, наделенной информацией о прошлом и будущем.

И снова Животков отправляет свою «Дорогу» к единственной заветной точке на горизонте, светящейся в центре, как путеводная звезда, и чем она дальше, тем лучше, тем длиннее Путь. Мимо проносятся неопределимы на такой скорости пространства, здесь все — движение, устремление, порыв... Преодоление гравитации.

В живописи А.Животкова присутствует парадоксальное сочетание — предельного сгущения эмоциональной концентрации до самого ядра сжатой сути с разряженностью беспредельного пространства до спазма в переполненных легких.

Энергетика накатывает на смотрящего неукротимой волной и тотчас забирает его с собой, втягивая с рокочущим свистом в глубину холста, в энное измерение. И когда побывавшему за этим горизонтом удастся вернуться, то уже совсем другим человеком, прошедшим через магический образ и обретшим постижение неочевидного.

И в новой 2005 года серии работ А.Животкову дано совершенное освобождение от эмоциональной тяжести и «экстремализма». Ветер перемен принес ему обновленную информацию просветления и умиротворения и именно эти, как воздух, необходимые работы, словно вымоленные художником. Это — причастие после отчаянной исповеди. Так переводят дух после приступа несдерживаемых слез, когда они в конце концов заканчиваются, а жизнь, оказывается, продолжается.

Здесь — открытый выход на залитый рассеянным светом балкон, и этот свет — не солнечный и не лунный, это — «свет ниоткуда»... Он растворен во всем, как в первый день.

При утонченной строгости линий и колорита эти работы ласкают и убеждают, как родная гавань после длительно беспокойного пути они балуют шелком молочно-белых, отшлифованных до атласной гладкости, и песчано-зернистой тактичностью бесчисленных легчайших задумчиво-дымчатых серых, и светящихся изнутри то пронзительно-голубыми, то горячими золотистыми щелочками-просветами с неожиданными перчинками черного, контрастных и тающих линий. И на глубинном плане — тонкое сочетание состояния безмятежности с легким щекочущим замиранием от присутствия скрытого за светлым парящим маревом, притягивающим взгляд.

Наслаждение художника каждым прикосновением к этим холстам транслируется в полной мере. Это новый настоящий подарок знатокам и ценителям благородной живописной культуры, высочайший уровень которой достигнут и неизменно поддержан Александром Животковым.

Разумеется, глубокое изучение мировой истории искусств позволяет наглядно определить значение вклада этого художника и убедиться в исключительной первичности и уникальности его почерка и стиля. Но, кроме того, в основе избранного им пути — выход в открытое Пространство, что неизменно влечет каждую живую душу. Такое волнующее сочетание ясного образа и неповторимого мастерства исполнения рождает произведения огромной непроходящей ценности. По моему убеждению, восприятие работ Александра Животкова сложно только для обыденного сознания. Даже независимо от актуальных специальных знаний на глубинном сущностном уровне его понял бы и первобытный коллега из Ласко и Альтамыры, и античный философ, и классики всех времен и народов — так же, как ныне он уважаем представителями всех направлений и поколений современников. По стилистике Александр Животков не мог появиться в контексте искусства вчерашнего, но появившись сегодня, он не канет в Лету ни завтра, ни послезавтра. Такие художники являются раз и навсегда. Именно их, немногих, выхватывает взгляд в обозрении эпохи. Да простит меня художник, который яростно воспринимает в штыки слово «гений». Предпочитает «мастер».

2005 год